

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.....</i>	<i>7</i>
<i>Глава вторая</i>	<i>79</i>
<i>Глава третья.....</i>	<i>135</i>
<i>Глава четвёртая</i>	<i>204</i>
<i>Глава пятая</i>	<i>279</i>
<i>ЭПИЛОГ</i>	<i>332</i>

Дабы край оберечь от набегов башкир и ногайцев
И унять навсегда их по-волчьи разбойную прыть,
Государь повелел Хитрово — от Карсуна к Синбирску
Ров копать, сыпать вал и засеки, не медля, рубить.

Сберегать было что — по Суре от Курмыша
к Свияжску
Непрерывной чредой вековые стояли боры.
Меднотелые сосны, как струны, звенели
зимой от мороза,
Истекали смолой от истомной июльской жары.

На ручьях и речушках гнездились бобровые гоны.
Даже днём становилось темно от пролётных гусей.
Как бояре хмельные, в малинниках спали медведи,
И обозы пчелиные к дуплам тянулись
с медовых полей.

В мелколесьях и пустошах лоси бродили стадами.
И куницы за белками мчались в ветвях верховых.
А в Суре жирovala по заводям царская стерлядь,
И сомы щекотали русалок усами в потёмках речных.

Край обильный, не ведавший русского слова,
Простирался на полдень вдоль Волги-реки.
Вкруг лежали ещё никогда не рождавшие земли.
Только дрофы ныряли в траву, да свистели сурки.

Край пустынный! Просторное Дикое поле,
Где ковыль, словно мех соболиный, волнуясь, сиял.
Там во тьме зарождались несметные орды,
И московский престол от кровавых набегов дрожал.

Сберегать было что — Волга стала проезжей дорогой
От Москвы и до Каспия, до шемаханских краёв.
Струги с красным товаром упругую пенили воду
На стремнине, разбойных страшась берегов.

Государь повелел, и по слову его каждый пятый
Двор послал мужика на царёвы труды.
Так возникли Тагай и Уренск и Юшанский,
И другие острожки Карсунско-Синбирской черты.

Громоздили валы, заострённые брёвна вбивали,
Рыли рвы в три сажени, а там, где был лес,
Там засеку рубили почти в полверсты шириною,
А пред ней выпускали на поиск казачий разъезд.

Под защитой черты поселялись стрельцы и
крестьяне,
Созидатели края, первожителю русских слобод.
И плодились несчетно, пахали и сеяли жито,
И стекался к ним беглый гулящий народ.

Оглядевшись, подняв целину и построив жилища,
Для души возводили церквей многоглавую вязь.
Сквозь леса и болота дороги к столице торили,
Чтобы крепла с Москвою державная связь.

Глава первая

1

Ночь была морозной и безветренной, сияла полная луна, окрашивая в бледно-фиолетовый цвет глубокие снега, по которым, ступая след в след, двигались две молчаливые тени. Это были волк и волчица, совершавшие еженощный обход своих владений в поисках добычи. В последнее время им не везло. Неудача постигла их и сегодня: сохатый, которого они захватили врасплох на ночной лёжке в редком осиннике, оказался молодым и полным сил, он, как пружина, вскочил на ноги и кинулся прочь. Волк бросился за ним следом, но сплосховал, бык удачно лягнул его тяжёлым копытом, и он кубарем отлетел в сторону, крепко ударившись при этом о дерево. Волчица было пошла за сохатым, но вскоре вернулась.

Она приблизились к волку, лизнула его в шею, и они продолжили свой неторопливый бег.

Оба зверя были в матёром возрасте и наизусть знали свои владения. С тех пор как их родители показали им тропу, которую они обегали каждую ночь, вокруг ничего не менялось. Но в прошлую весну волки со страхом обнаружили, что на берегу реки в несколько дней появились толпы людей, множество лошадей и телег. И это место сразу стало для них опасным и запретным. Люди принялись валить лес, стучать топорами, копать глубокий и длинный ров, который потянулся от их становища по обе стороны. Ров был так широк и глубок, что звери не могли преодолеть его прыжком, и препятствие приходилось оббегать, с каждым днём все дальше и дальше. На самом становище

люди тоже работали, вырыли вокруг него ров, из вынутой земли взгромоздили высокий и крутой вал, а наверху его устроили стену из толстых, поставленных впритык друг к другу сосновых бревен.

Поздней осенью работы на рву прекратились, большая часть людей уехала, остались лишь те, кто жил за стеной в больших избах, из которых по временам шёл дым, пахнувший лесным пожаром. Но волки — чуткие звери, кроме дровяного дыма они чувствовали и другие дразнящие запахи, которые им говорили, что там, за частоколом, есть добыча. Это возбуждало волков, они каждый день избегали на высокий бугор над рекой и оттуда вглядывались и внюхивались в манившее их людское жильё.

Волки не изменили своей привычке и в этот предутренний час. Они вбежали на бугор и погрузились в волну долетавших до них запахов, из которых один заставил судорожно сжаться пустые волчьи утробы. Это был тёплый овечий дух, он шёл из бревенчатой избы, что стояла сразу за крепостной стеной. Волки переглянулись и побежали с бугра вниз к реке.

Оставляя за собой полосу взрыхленного снега, они преодолели реку, выбрались на берег перед земляным валом. Волк остался внизу, а волчица пошла вперёд одна, в охоте на добычу она была сноровистей и ловчей своего напарника. Волчица, проскальзывая лапами, взобралась на вал и медленно побежала вдоль него, отыскивая проход. Брёвна стены были плотно подогнаны друг к другу, и щель отыскалась только в закрытых воротах, довольно узкая, но достаточная для того, чтобы зверь просунулся через нее, не встревожив дремавшего в своей будке сторожа-воротника.

В несколько прыжков волчица достигла приземистой овчарни. Запах близкой добычи привел зверя в иступление, где-то взбрезнул пес, но волчица не обратила на него внимания, она запрыгнула на крышу и стала медленно проваливаться вниз между жердей, на которые была уложена солома.

В овчарне было полтора десятка овец, которые, прижавшись друг к другу, лежали на соломенной подстилке, посапывая и вздыхая. Волчица упала на них и стала неистово рвать клыками всё подряд, что попадалось ей на пути, пока что-то острое и горячее не пронзило её насквозь. Это были двухрожковые вилы, которые держал в руках щуплый человек и яростно ругался. Калмык Урча, взятый казачьим разъездом в полон, был приставлен к овцам и жил вместе с ними в овчарне.

Волк раньше всех понял, что случилось, он повернулся, перебежал через реку и, достигнув бугра, хрипло и то-скливо завыл.

Продолжая ругаться, Урча выволок зверя за хвост на снег, и тут, наконец, всполошились крепостные собаки, здоровенные мордастые псы московской сторожевой породы, и начали бухать гулким лаем на всю округу. К Урче подбежали воротник и караульный стрелец.

— Что, нехристь, людей полошишь?

Увидели волчицу, удивились.

— Чем ты её?

Калмык молча указал на вилы и повёл караульчиков за собой в овчарню.

— Годи! Огонь принесу! — крикнул воротник и через несколько времени вернулся с горящим смольем. Они вошли в овчарню, четыре ярки были зарезаны, остальные жались в угол.

Подошли ещё несколько стрельцов, обступили волчицу.

— Матёрая бирючиха! Кто её завалил?

— Урча. Она ему на башку свалилась сквозь крышу.

— Клыки-то! Такая может руку напрочь откусить.

— Повезло Урче, да и нам, ребята, повезло — будет у нас на обед каша с бараниной.

Воеводскую избу построили наспех из непросушенных брёвен, и она промёрзла, стены курчавились инеем, от пола несло холодом. Морока была с печью, мужики,

приписанные к войску, устройство белых печей не знали, хотели сложить такую же, как и в своих курных избах, но воевода Хитрово запретил. Велел кликнуть среди стрельцов и казаков, знающих печное ремесло, и нашёлся один умелец, правда не ахти какой, сам всего один раз печь с дымоходом клал под присмотром мастера.

— Начинай, стрелец! — решился воевода. — Не глотать же всю зиму дым в избе.

Стрелец сладил печь, не из кирпичей, а из речной глины. Мял и бил её до плотности мягкого дерева, укладывал за слоем слой в промежуток между двумя поставленными один в другой дощатыми коробами, умудрился трубу вывести наружу, и, ничего, получилось. Наложили в печь дрова, поднесли огонь, и загудело пламя, заприплясывало. Богдан Матвеевич дал стрельцу полтину, тот деньги взял, но не уходил, смотрел на воеводу тоскующим взглядом, внушая ему своё, заветное. Воевода понял, чего хочет стрелец, рассмеялся и ткнул его несильно кулаком в бороду.

— Ступай! Подойдёшь на Рождество за лишней чаркой, а сейчас иди!

Печь хотя и не дымила, но оказалась страсть какой прожорливой. Стрелец, дежуривший в воеводской избе, подкладывал в неё дрова весь день, но к утру она выстывала и была холодной, как льдина. Устроивший возле неё свое ложе Богдан Матвеевич знал это лучше всех, к утру холод от печи проникал через овчину, которой он укрывался на ночь, и заставлял сначала ворочаться, а потом просыпаться и открывать глаза.

В комнате воеводы, которую для него выгородили досками в избе, было сумрачно. Лампадка на киоте едва всплескивала жёлтыми каплями огня, открывая взгляду голые, бревенчатые стены и белое пятно покрытого изморозью небольшого оконца. Хитрово поёжился, представив, как холодно в избе, откинул овчину, беличье одеяло, поднялся и сунул голые ноги в мягкие, с короткими голяшками валенки.

Богдан Матвеевич был искренне верующим человеком и всякий день начинал с утренней молитвы.

— К тебе, Владыко человеколюбче, от сна восстав, — проговаривал он негромко, — прибегаю и на дела Твои подвизаюсь милосердием Твоим, молюся тебе: помози мне на всякое время во всякой вещи, и избави мя от всякия мирския злыя вещи и диявольского поспешения, и спаси мя, и введи в царство Твоё вечное...

К воеводе вошёл с деревянной лоханью в руках для умывания его денщик, молодой парень Васятка. Он был дворовым холопом из калужской деревни Богдана Матвеевича и приближен им за весёлый нрав и сметливость.

Хитрово снял с себя спальную рубаху, умылся холодной водой и стал спешно одеваться. Хотя печь затопили, было зябко, и молодое сильное тело воеводы покрылось пупырышками. Он спешно надел шёлковые, затем суконные штаны, рубашку, зипун, натянул на ноги шерстяные, подбитые мехом чулки и высокие, до колен, сапоги. Васятка подал ему кафтан.

— Что нового? — спросил воевода.

— Урча волчицу вилами заporол. Она на него через крышу свалилась. Четырёх овец зарезала.

Хитрово недовольно поморщился. На зиму во вновь возведённой крепости осталось совсем мало скотины, ратным людям приходилось налегать на репу, капусту и овёс, мясное в котёл попадало по великим праздникам.

За перегородкой заскрипели половицы, это проснулся дьяк Григорий Кунаков, имевший привычку весь день находиться на ногах, он и свою основную работу — письмо делал стоя, за конторкой, укреплённой в стену избы.

— Григорий Петрович, — сказал Хитрово, выходя из своей комнаты. — Зарезанных овец определи под строгий караул.

— Уже распорядился, Богдан Матвеевич. Как почивал?

Кунаков был старым, по тогдашним понятиям, человеком, ему перевалило за пятьдесят лет, из которых око-

ло сорока он провел на государственной службе и не в тёплых и хлебных для мздоимцев московских приказах, а в полках на засечной черте, в государевых посылках в Литву и на Украину.

— Студёно, — Хитрово выдохнул клуб пара. — Распорядись, чтобы и ночью топили.

— Так пробовали. От этих истопников только шум да бряк, глаза не сомкнём.

— Как знаешь. Я в Москву отправляюсь, тебе всем распоряжаться.

В избу, окутанный клубами пара, вошёл стрелец с большой вязанкой дров, бухнул их с плеча на пол, открыл печную заслонку.

— Тише ты, чёрт! — рявкнул на него дьяк.

Стрелец недобро на него глянул, но смолчал.

— Я тебе отписки для приказов приготовил, — сказал Кунаков, подходя к железному сундуку, где хранилась полковая казна и самые важные бумаги. — В Разрядный, Казанского дворца, готовы и росписи всего потребного для обустройства черты.

Дьяк затейным ключом открыл замок немецкой работы, распахнул сундук, достал несколько свернутых в трубку грамот.

— Вычти, Богдан Матвеевич, может, я что упустил.

— Вроде все было обговорено, хотя вычту, по прежней службе знаю, что государь может потребовать к себе отписку, если сочтёт нужным.

В избу вошёл Васятка с корзиной, покрытой белым полотенцем, принёс из поварни завтрак для воеводы и дьяка.

— Опять тёртый горох? — спросил Кунаков.

— Он самый, — ответил парень, выставляя на стол сундук с кашей, несколько кусков вяленой сомятины и большой ржаной калач.

— Задушил ты меня, Васятка, горохом, — недовольно пробурчал дьяк. — Хотя бы стопку вина налил, горло смочить.

— Вино же под твоим доглядом, Григорий Петрович, — засмеялся Васятка. — Давай ключ от анбара, я мигом слетаю.

Воевода и дьяк были трезвенниками, хотя стали ими каждый по-своему. Хитрово сызмала понял пагубу винопития, а Кунаков своё отпил, и нутро не воспринимало хмельного.

— Ешьте горох, пока горячий, — сказал Васятка. — Казаки и стрельцы толочно трескают.

— А ты успел потрескать?

— Я овсяную мучицу уважаю, особенно с маслом.

Служба стольником в ближнем к царю окружении не разбаловала Хитрово. Став полковым воеводой на границе с Диким полем, он легко перешёл к новому образу жизни, научился спать, где придется, есть, что подадут с общей поварни, и тем отличался от многих воевод, которые таскали за собой в походах многочисленную челядь и целый обоз с собственной, из вотчины, провизией. Такой простой образ жизни укреплял положение воеводы в мнении стрельцов и казаков.

После завтрака он ушёл к себе вычитывать отписки в приказы. Карсунско-Синбирской засечной черте, к введению которой Хитрово приступил прошлой весной, требовалось многое, в первую очередь работные люди. Население в Казанском уезде было малочисленным, ниже Тетюшей до Самары, кроме Усолья, не было ни одного поселения. После набега Железного Хромца, Тамерлана, опустошившего всё Поволжье, мордва и чуваша бежали за Суру, и эти ничейные земли предстояло обустраивать и населять. Московскому государству стало тесно в своих пределах, пустых земель в коренной Руси не осталось, а нужно было служилым людям представлять поместные оклады, чтобы было кому служить в дворянском ополчении, составлявшем основную военную силу Русского государства.

В прошлом году приведённых с собой людишек Богдану Матвеевичу едва достало на то, чтобы построить крепостицу Карсун и наметить другие острожки в направлении

к Волге. И правильно писал дьяк Кунаков в приказ Казанского Дворца, требуя людей, весна не за горами, нужно было продолжить строительство засечной черты и, главное, основать город на Синбирской горе. Решение о его строительстве было принято ещё в прошлом году, когда бояре приговорили, а государь Алексей Михайлович повелел: граду Синбирску быть!

Но не только дела засечной черты призывали Хитрово в Москву, а ещё очень важное личное дело, касающееся прорухи собственной чести. Государь пожаловал ему за керенскую, темниковскую и карсунскую службу давно заслуженный им чин окольничего. Но это для всех ясное решение осложнялось действиями стольника Дубровского, который подал царю челобитную, что Хитрово дан чин не по месту, то есть с нарушением его, Дубровского, права быть в служебном производстве впереди Хитрово. Нерешительный Алексей Михайлович засомневался и приказал начать расследование. Родственники Дубровского грудью встали на его защиту, родственники Богдана Матвеевича встали на его сторону. Дело приобрело характер местнического скандала.

Хитрово получил неприятное для себя известие от своего родственника окольничего Фёдора Ртищева и был сильно уязвлен выходкой Дубровского, которого почти не знал. Ртищев вместе с этой грамоткой прислал и разрешение от государя отбыть Хитрово на время в Москву, оставив за себя на карсунских делах дьяка Кунакова и товарища воеводы Бориса Приклонского.

Мысль о местническом деле привела воеводу в смутное беспокойство, и он вышел из своей комнаты с мрачным и задумчивым видом.

— Что-то не так, Богдан Матвеевич? — спросил Кунаков, по-своему поняв настроение воеводы.

— Всё так. Отписки составлены правильно, только будут ли люди к тому часу, когда мы на Синбирскую гору двинемся?

— Всё может быть. Государь укажет нижегородскому воеводе Долгорукому послать людей, а князь такой увалень, пока раскачается, пока турнет приставов людишек собирать по уезду, может к морковкиному заговенью и поспеет.

— Ладно. Пойду пройдусь, надо напоследок на всё глянуть. Васятка, шубу!

Парень мигом накинул на плечи воеводе лисью шубу, покрытую тёмно-вишневым сукном, подал шапку и рукавицы.

Шагнув из полутёмной душной избы на крыльцо, Хитрово зажмурился от ослепившего его на миг яркого солнца. Жадно вдохнул свежий морозный воздух, прищурившись, посмотрел вокруг. Десятка полтора стрельцов широкими деревянными лопатами грузили пласты снега в большие короба и волоком тащили их за ворота крепости. На башнях атемарские плотники стучали топорами, доделывая верхние венцы срубов. Щепки и стружки, насыщая воздух запахом свежей сосны, кружась, падали на снег.

К воеводе на потных заиндевелых лошадях подъехали два казака — сторожевой разъезд, вернувшийся из ночного дозора.

— Что, замёрзли, ребята?

— Студёно. В поле позёмка завивает, метель будет.

— Как там караульщики, не помёрзли? — спросил воевода о людях, которые всю зиму находились на сторожах, разбросанных по обе стороны от Карсуна вдоль засечной черты. Караульщики жили в землянках и в случае чего должны были подавать знак дымом, поджигая в специально установленных чанах смолу.

— А что им поделается? Живут себе, как медведи, в берлогах.

— Добро, — сказал Хитрово. — Ступайте отдыхать.

Казаки неторопливо двинулись к своей избе, где их ждали миска толокна, кружка кваса и старые недруги —

клопы, которые, как их казаки ни вымораживали, не оставляли служивых в покое.

Богдан Матвеевич спустился с крыльца и, замечая полами длинной шубы снег, пошёл по проходу между строевыми. Васятка поспешал следом, отстав от своего господина на один шаг. Возле низкого, до пояса, сруба воевода остановился, заслышав доносящиеся из него вопли. Это была земляная тюрьма.

— Отопри! — приказал Хитрово.

Караульный стрелец загремел замком и засовом, распахнул низкую дверь, из проема высунулся включенный и грязный узник.

— Воевода, милостивец! — возопил он. — Нет мочи терпеть!

Это был казак, убивший своего товарища во время запрещённой азартной игры в зернь на деньги.

— Сиди и молчи! — строго сказал Хитрово. — Твои бумаги отосланы в Москву. Как там приговорят, так и будет.

Стрелец затолкал узника в сруб и запер дверь.

— Скажи сотнику, чтобы сводили его в баню, — молвил Хитрово караульному. — Он шелудьями оброс.

Воевода на границе имел неограниченную власть. Он разбирали все проступки и определял наказания. Это касалось всех преступлений, кроме убийств. Душегубов, получив от воеводы материалы следствия, судила Боярская дума. К смерти за убийства на бытовой почве приговаривали редко, чаще убийц ссылали в Сибирь, в охотничьи ватаги, добывавшие пушного зверя.

— Студёно, чай, сейчас в яме, — пробормотал Васятка.

— А ты ему свои портки отдай, — усмехнулся Хитрово. — Убийство, Вася, смертный грех, за него платить надо.

Васятка был с этим согласен, однако он сочувствовал всем, кто страдает: не очерствел ещё душой, не ожесточился.

Хитрово толкнул калитку и вошёл на конный двор, где казаки вилами с возов метали привезённое с летних покосов сено. Запах сухой травы напоминал об июле, о не-

близком ещё лете. Конюшни не было, казацкие лошади, неказистые и большеголовые, добытые в бою или за деньги у ногайцев, отличались неприхотливостью в содержании и выносливостью в походах. Полусотник подбежал к воеводе, и тот попенял ему за беспорядок и нечистоту.

— Будет сделано, воевода! — гаркнул казак, дыхнув на Хитрово чесночным смрадом.

— А это чьи одры? — указал Богдан Матвеевич на двух лошадей, чьи бока и крупы были облеплены засохшим навозом и соломой. — Шелепов давно не получали?

— Так это, — забормотал полусотник. — Хворают казаки, третий день лежат влѣжку.

— Чем хворают?

— Лихоманка бѣт. Отойдут, неровен час.

Богдан Матвеевич забеспокоился. Не голод, не набег страшны ему были, а внезапное моровое поветрие. Бывало, что чума или холера в считанные дни опустошала города, а в крепости, при скученности людей, любая зараза могла распространиться с быстротой молнии. За прошлые месяцы люди в Карсуне мерли, но не так шибко, два-три в месяц. За оградой на берегу реки крестами прирастало кладбище.

— Ерофеич смотрел? — спросил Хитрово про имевшегося в поселении травника и костоправа, взятого им из Атемара для лечебных услуг.

— Он и сейчас возле них. Даёт отвары травные, да мало помогает. Даст Бог, выживут.

— Поставь кого-нибудь за их конями приглядывать, — сказал воевода. — Безлошадные казаки не ратники.

— Сделаю, Богдан Матвеевич, — полусотник согнулся в поклоне.

Под рукой воеводы имелось две сотни стрельцов и полусотня казаков. Это была пятая часть из тех, что пришли с ним вместе прошлой весной на Карсунскую засечную черту. Остальных, женатых и старых, Хитрово отпустил после Покрова по домам, приказав явиться в Карсун за две недели до поздней в этом году Пасхи. Лишние едоки

воеводе были не нужны, для несения караульной службы хватало и этих. Отправил осенью по своим избам и рабочих людей, числом более трёх тысяч. Весной князь Долгорукий, нижегородский воевода, обязан был представить на строительство черты пять тысяч крестьян, взяв с каждого пятого двора по одному человеку. Работники должны были прибыть со своими лопатами и кирками, с пятью сотнями телег, оснащенных коробами, с косами и вилами для заготовки сена.

Воеводский опыт подсказывал Богдану Матвеевичу, что явятся на засечную черту далеко не все. Дьяк Кунаков верно заметил: князь Долгорукий был любитель волокиты, да и сами крестьянишки всегда не прочь увильнуть от государственной работы, хотя за неё им давали неплохие деньги — два, три рубля за лето. Правда, и работа была адская — рыть ров в три сажени глубиной, громоздить на русской стороне рва вал, укреплённый заострёнными бревнами, валить деревья для устройства засеки, непроходимой для степняков. Дел на лето намечалось невпроворот, и Богдана Матвеевича отягчала нелегкая дума, справится ли он со всем, что на него навалилось.

— Чего ты на меня тарачишься? — спросил Хитрово своего спутника. — Или нашкодил где?

— Просьба у меня, — замялся Васятка.

— Так говори.

— Ты уедешь на Москву, Богдан Матвеевич, а мне разреши сходить с обозом в Казань?

— На кого же ты Кунакова оставишь?

Васятка Кунакова побаивался, тот был скор на кулачную расправу.

— Добро! — решил Хитрово. — Иди в Казань, только не набедакурь там. Я дьяку скажу. Пойдём в кузню, глянем, как Захар слово держит.

Кузня находилась в незастроенном углу крепости, в стороне от других строений. Это была большая рубленая изба с навесом, под которым хранились кораба с дре-